

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ ТОЖДЕСТВО: CASE-STUDY ДЛЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

This paper sketches a phenomenological analysis of intentional relations and uses it as heuristics for solving Geach's problem of intentional identity. I relate the problem that Geach's Hob-Nob sentence poses for intensional logic to the problem that first-person perspective poses for the analytical phenomenology. I will point out both the similarities and the differences between the attempts to understand phenomenal consciousness as a result of a higher-order representation, on the one hand, and the attempts to interpret intentionality as intensionality, on the other hand. The evolution of analytical philosophy in a direction of intentional analysis is argued for.

Проблема интенционального тождества была сформулирована почти полвека назад П. Гичем (см.: [Geach, 1967]), породила обширную исследовательскую литературу (см., в частности, [Saarinen, 1978; Edelberg, 1986; Wilson, 1991; King, 1993; Pietarinen 2001; Rooy 2006]), но до сих пор не имеет общепризнанного решения. Эта проблема возникает в связи с недостаточностью стандартных средств кванторной интенциональной логики для анализа предложений с двумя пропозициональными установками различных лиц, в одной из которых содержится кванторная фраза, а во второй — анафорическое местоимение, антецедентом которого является эта кванторная фраза. Под анафорой в лингвистике и логике понимается замена повторного упоминания какого-либо элемента высказывания так называемым анафорическим выражением (*он, этот, тот, такой* и т.п.). Основным признаком анафоры считается отсылочная номинация — анафорическое выражение осуществляет референцию не прямым образом, а через отсылку к референту другого выражения, называемого его антецедентом. В общем случае функция анафорического выражения не сводится к простому замещению другого выражения (ср. *Каждый хочет, чтобы все его уважали* и *Каждый хочет, чтобы все уважали каждого*). Поэтому изучение механизмов ана-

форы не должно ограничиваться синтаксическим уровнем, а предполагает обращение к семантическим методам, которое, в свою очередь, требует философской интерпретации актов индивидуализации, идентификации, реификации. Поскольку интенциональное истолкование именно этих актов является ключом к феноменологическому осмыслинию опыта, в статье ставится задача выявления эвристического потенциала аналитической феноменологии в решении проблемы интенционального тождества как центральной проблемы логико-семантического анализа анафорической номинации.

В литературе обсуждаются различные примеры предложений с интенциональным тождеством, среди которых знаменитое *Хоб-Ноб-предложение* (*Hob-Nob sentence*) П. Гича:

(1) *Хоб думает, что (некая) ведьма отравила кобылу Боба, а Ноб верит, что она (та же самая ведьма) убила свинью Коба.*

Hob thinks that a witch has blighted Bob's mare and Nob believes that she (the same witch) has killed Cob's sow.

Другие известные примеры:

(2) *Джейн полагает, что сегодня ночью ее хотел убить какой-то человек, а комиссар полиции уверен, что он (этот человек) был лишь плодом ее воображения.*

(3) *Карл хочет поймать рыбу, а Людвиг — съесть ее.*

Предполагается, что интерпретация этих предложений не должна вводить каких-либо допущений о существовании ни ведьмы, которой, надо надеяться, вообще нет, ни преступника, который, вполне вероятно, порожден нездоровой подозрительностью Джейн, ни рыбы, которая может и не водится в том водоеме, в котором рыбачит Карл. Более того, проблема интенционального тождества — это проблема тождества при отсутствии определенного указания. Она возникает, когда установки различных субъектов (Хоба и Ноба, Джейн и комиссара полиции, Карла и Людвига), имеющие общий «фокус», рассматриваются как *de dicto*, т.е. как установки, не направленные ни на какой определенный объект. Такая интерпретация интуитивно оправдана. Представим, например, что деревня, где живут Хоб и Ноб, переживает самый разгар охоты на ведьм. Когда у Боба умирает кобыла, Хоб, конечно же, думает, что это проделки ведьмы, и Ноб, узнав о смерти свиньи Коба, естественно, подозре-

вает эту же ведьму, отличающуюся особой зловредностью в отношении домашних животных. Однако ни у Хоба, ни у Ноба нет определенного представления об этой ведьме, которая к тому же может и не существовать вовсе. Именно на интерпретации *de dicto*, не предполагающей ни реального существования, ни определенности объекта установок, настаивает Гич, и именно ее формальная репрезентация составляет проблему.

Действительно, если мы представляем предложение (1) формулой

(4) $\exists x (T_x (x \text{ — ведьма} \& x \text{ отравила кобылу Боба}) \& B_H (x \text{ — ведьма} \& x \text{ убила свинью Коба}),$

где T_x — «Хоб думает, что», B_H — «Ноб верит, что», то получаем интерпретацию, удовлетворяющую требованию единого «фокуса» установок Хоба и Ноба. Однако эта интерпретация вводит экзистенциальное допущение о реальном существовании некоего «прототипа ведьмы» (скажем, подозрительно красивой девушки, назовем ее Самантой), которую Хоб и Ноб единодушно выбирают в качестве объекта своих обвинений. Ясно, однако, что вера в ведьм может и не предполагать наличия их реальных «прототипов». Избавиться от экзистенциального допущения, вводимого интерпретацией (4), можно, поместив квантор существования в область действия интенционального оператора. В таком случае предложение (1) могло бы быть представлено либо формулой

(5) $T_x \exists x (x \text{ — ведьма} \& x \text{ отравила кобылу Боба}) \& B_H \exists y (y \text{ — ведьма} \& y \text{ убила свинью Коба}),$

либо формулой

(6) $T_x \exists x ((x \text{ — ведьма} \& x \text{ отравила кобылу Боба}) \& B_H (x \text{ — ведьма} \& x \text{ убила свинью Коба})).$

Однако интерпретация (5) не соответствует требованию единого «фокуса» установок и имеет обратным переводом на русский язык предложение

(7) *Хоб думает, что (некая) ведьма отравила кобылу Боба, а Ноб верит, что (некая) ведьма убила свинью Коба.*

Недостатком интерпретации (6) является то, что оператор веры Ноба входит в область действия оператора мнения Хоба. Кроме того, установ-

ка Ноба становится при такой интерпретации *de re*, поскольку оператор установки B_H включается в область действия экзистенциального квантора, что как раз и является синтаксическим признаком *de re*-установок. Этой интерпретации соответствует предложение

- (8) *Хоб думает, что (некая) ведьма отравила кобылу Боба и что Ноб верит, что она (та же самая ведьма) убила свинью Коба.*

Таким образом, основная сложность заключается в том, что, с одной стороны, анафорическое местоимение «она», находящееся в области действия оператора установки Ноба, должно включаться в более широкую область действия оператора установки Хоба, поскольку в нее включается антецедент этого местоимения, но с другой стороны, оператор установки Ноба не может входить в область действия оператора установки Хоба. Отмечая указанную сложность, Гич признавался: «Я не могу сделать даже набросок структуры оператора, который хорошо фиксировал бы логический смысл этого» [Geach, 1972, p. 630].

Прояснение логического смысла пересечения областей действия кванторов и интенциональных операторов в высказываниях с интенциональным тождеством требует предварительного ответа на феноменологический вопрос — как возможно отождествление *фокусов интенций* различных субъектов, направленных на неопределенный объект? Поиск ответа на этот вопрос предполагает спецификацию тех *интенциональных отношений*, которые выражаются пропозициональными установками. Если для характеристики неинтенционального отношения достаточно специфицировать объекты, находящиеся в этом отношении, то для интенциональных отношений существенен конкретный способ индивидуализации этих объектов, принимаемый субъектом. «Интенциональное отношение, — как отмечают видные представители аналитической феноменологии Д. Смит и Р. Макинтайр, — есть, таким образом, не только отношение между персоной и объектом, но отношение между персоной и объектом, подпадающим под определенную концепцию объекта» [Smith, McIntyre, 1984, p. 14].

Использование аппарата интенциональной логики для анализа интенциональных отношений опирается на трактовку интенциональности как интенциональности. Обосновывая возможность такой трактовки, Я. Хинтикка формулирует ее суть следующим образом: «понятие является интенциональным, если и только если для выявления его семантики мы должны рассматривать различные ситуации или различные развития событий в их отношении друг к другу» [Hintikka, Hintikka, 1989, p. 183]. Стандартным подходом, позволяющим на каждом этапе семантической

оценки принимать во внимание различные варианты развития событий, является семантика возможных миров для интенциональных логических систем. Однако, по мнению Дж. Моханти, выражающего позицию ортодоксальных феноменологов, «феноменология не должна делать тот шаг, который ведет к семантике возможных миров. Она не может делать этот шаг, чтобы остаться феноменологией и не впасть в наивность онтологического дискурса» [Mohanty, 1985, p. 44].

Действительно, «наивное» расселение «возможных индивидов» по предметным областям возможных миров веры, полагания, фантазии, делает тривиальной важнейшую феноменологическую задачу экспликации процесса их конституирования. Как отмечает Э. Гуссерль, «индивидуализация и тождество индивидов, как и идентификация, базирующаяся на них, возможны только в мире актуального опыта, на основе абсолютных темпоральных позиций» [Husserl, 1973, p. 173]. Следовательно, «опыт воображения в целом не производит индивидуальные объекты в подлинном смысле, но лишь *квазииндивидуальные* объекты и *квазитождество*» [Ibid., p. 174]. Вместе с тем Гуссерль допускает некую возможность для воображаемого объекта быть «тем же самым» актуальным объектом. «“Тот же самый” объект, который я сейчас воображаю, — пишет он, — может быть также дан в опыте: тот же только лишь возможный объект (и, таким образом, каждый возможный объект) может быть также актуальным объектом» [Ibid., p. 381]. Каковы же феноменологические условия актуальной данности «возможного объекта»?

«В актуальном мире, — с полной определенностью заявляет Гуссерль, — ничто не является открытым; он есть то, что он есть» [Ibid., p. 173]. Открытость и неполнота характеризации — свойство интенций, а не объектов самих по себе. Поэтому «возможные индивиды» — не «неполные индивиды», обитающие неким ущербным образом в столь же несовершенных возможных мирах, а неполные индивидные характеристики актуальных объектов. Полнота индивидной характеристики превосходит, по Гуссерлю, человеческие возможности и является недостижимым идеалом: любой трансцендентный объект всегда дан в определенной перспективе, недоопределен. Поэтому и тождество как предельный случай равенства «абсолютно неопределен» (см.: [Гуссерль, 2001, с. 111]). В свою очередь, идентификация как установление равенства всегда соотнесена с той перспективой «субъективного интереса», в которой рассматриваются объекты. «В случае одинаковых вещей, — пишет Гуссерль, — мы достаточно часто говорим о такой же вещи. Мы говорим, например, *такой же шкаф, такой же пиджак, такая же шляпа* там, где имеют место изделия, которые, будучи созданы по одно-

му и тому же образцу, полностью равны друг другу, т.е. равны во всем, что вызывает наш интерес относительно такого рода вещей» [Гуссерль, 2001, с. 110]. Релятивизируя процедуру идентификации по отношению к контексту опыта, Гуссерль подчеркивает ее аспектный характер. «Мы не можем две вещи назвать одинаковыми, — отмечает он, — не указывая аспект, в котором они одинаковы. Определенный аспект, утверждаю я, и здесь заключено тождество» [Там же]. Идентификация объекта через акт субъективного интереса, а не через отсылку к абстракциям *объекта* (шкафа, пиджака или шляпы) как такового задает горизонт этого объекта. «Горизонты, — по определению Гуссерля, — представляют собой заранее очерченные потенциальности» [Гуссерль, 1998, с. 115]. Он подчеркивает, что «*в каждой актуальности имплицитно содержатся ее потенциальности*, которые представляют собой не пустые, но заранее очерченные в своем содержании возможности, а именно, возможности, интенциально намеченные в том или ином актуальном переживании, которые, к тому же, характеризуются тем, что осуществлять их может само Я» [Там же, с. 113]. Именно категория горизонта как мотивированной, наполненной, а не абстрактной возможности открывает для аналитической феноменологии перспективу использования аппарата семантики возможных миров. «Горизонт объекта некоторого акта, — отмечают Смит и Макинтайр, — состоит из возможных условий, или возможных положений дел, или возможных миров, в которых объект акта есть то-то и то-то» [Smith, McIntyre, 1984, р. 304–305].

Интересуясь интенциональными отношениями, необходимо принимать во внимание конкретный аспект идентификации, актуализованный субъектом. Семантика межсубъектной коммуникации обязана, таким образом, предоставить основания для сопоставления различных субъективных аспектов данности *того же самого* предмета разным субъектам. Именно горизонтная трактовка *возможных миров* как *миров субъектных возможностей* служит, на мой взгляд, феноменологическим ключом к пониманию этих оснований. Даже Дж. Моханти, критически относящийся к использованию феноменологами концептуального аппарата семантики возможных миров, отмечает, что интенциональный акт «Я могу» «принадлежит к смыслу любого объекта какого угодно типа, который может быть идентифицирован, реидентифицирован, повторно назван. Таким образом, в самом сердце конституирующего сознания, которое Гуссерль часто называл грандиозным именем трансцендентальной субъективности, заключено сознание возможности» [Mohanty, 1985, р. 44]. Признавая логическую непротиворечивость гипотетического допущения «чего-либо реального за пределами этого мира», Гуссерль подчеркивает,

однако, что «это трансцендентное необходимо должно быть доступным опыту, и не просто для измышленного благодаря пустой логической возможности “я”, но для моего актуального Я как доступного подтверждению единства всех взаимосвязей моего опыта» [Гуссерль, 1999, с. 105]. «Жизненный мир» моего Я, если он не понимается, от чего предстает Р. Ингарден, «романтическим», т.е. субъективистским и релятивистским образом, открывает перспективу на «отпсихологизированную, отобъективизированную абсолютную субъективность» [Ингарден, 1996, с. 209]. «Жизненные миры реальных, не измышленных “я” открыты моему актуальному Я для эмпатического понимания, систематического исследования и сопоставления. Таким образом, доступное познанию моего “я”, должно быть принципиально доступно познанию всякого “я”, о котором я вообще в состоянии говорить, всякого, какое вообще может обладать смыслом и возможным бытием для меня как иное “я”, как одно из “я”, принадлежащее открытому множеству “других”» [Гуссерль, 1999, с. 106].

Именно эмпатия, которая в общем случае является основанием приписывания пропозициональных установок другим субъектам, обеспечивает возможность отождествления фокусов интенций различных субъектов в предложениях с интенциональным тождеством. Утверждая «Ноб верит, что *p*», мы обозначаем объект веры Ноба неким *p*, т.е. именно таким образом, каким сами обозначали бы объект своей веры, будучи на его месте. При этом квантификация, «ответственная» за идентификацию объектов пропозициональных установок, осуществляется в субъективных горизонтах этих установок, т.е. по предметным областям тех возможных миров, которые вводятся в рассмотрение субъектами этих установок (например, «миров полагания» Хоба или «миров веры» Ноба). «Идиомы квантификации, — как отмечает Д. Смит, — выражают внутренние интенции языка из перспективы первого лица. Идиомы пропозициональных установок часто соответствуют внешним интенциям из перспективы третьего лица. Это соответствие — в особенности при квантификации в контекстах полагания и подобных им контекстах — знаменует превращение логики из экстенсиональной в интенсиональную» [Smith, 1994, р. 165]. Приписывая пропозициональные установки другим субъектам, мы высказываем утверждения об их интенциональных состояниях и подпадаем под юрисдикцию интенсиональной логики, в то время как квантификация *de dicto* продолжает сохранять свою экстенсиональную природу, поскольку осуществляется во «внутренней» перспективе установки. Необходимость «прослеживания» интенсиональной перспективы «внешнего» субъекта интерпретации через экстенсиональную перспективу

нальные контексты, вводимые перспективами «внутренних» субъектов установок, объясняет нестандартный характер квантификации в интенциональных контекстах. Именно сложное переплетение «внутренних интенций» квантификации и «внешних интенций» интерпретатора образует феноменологическую составляющую проблемы интенционального тождества, диагностика которой обладает значительным эвристическим потенциалом для ее логического решения.

За время, прошедшее с момента формулировки Гичем проблемы интенционального тождества, появилась логическая теория, развивающая изощренный технический аппарат, предназначенный для представления нестандартных отношений областей действия операторов различного типа. Речь идет об *IF-логике* (*Independence Friendly*, «дружественной к независимости» логике), создание которой в 1996 г. Я. Хинтикка объявил революцией в современной логике (см.: [Hintikka, 1996; Hintikka, Sandu, 1996]). В язык этой логики вводится особый знак / (слэш) — указатель информационной независимости интерпретации одного оператора от другого.

Так, в формуле

$$(9) (\forall x) (\exists y) (\forall z) (\exists v / \forall x) F(x, y, z, v)$$

слэш перед вхождением квантора общности в $(\exists v / \forall x)$ указывает на информационную независимость интерпретации квантора $\exists v$ от интерпретации квантора $\forall x$. Кванторная приставка в формуле (9) интерпретируется следующим образом: «для всех x существует y и для всех z существует v , зависящее только от z ».

С использованием ветвящихся кванторов Хенкина формула (9) может быть представлена как

$$(10) \forall x \exists y \\ \quad > F(x, y, z, v) \\ \forall z \exists v$$

В свою очередь, формула (10) интерпретируется второпорядковой формулой с квантификацией по сколемовским функциям f и g

$$(11) \exists f \exists g \forall x \forall z F(x, f(x), z, g(z)),$$

которая получает естественное теоретико-игровое истолкование. Можно считать, что сколемовские функции определяют стратегию верификатора, стремящегося доказать истинность формулы (10) в его игре про-

тив фальсификатора, пытающегося, в свою очередь, доказать ее ложность. Таким образом, функции f и g указывают верификатору, какую стратегию он должен выбрать в зависимости от предыдущих выборов фальсификатора, а интерпретирующая формула (11) понимается как утверждение о существовании у верификатора выигрышной стратегии в семантической игре с формулой (10). Неполноте информации в играх с формулами, содержащими ветвящиеся кванторы или слэш-операторы, соответствуют неполные наборы аргументов у сколемовских функций.

Хинтикка характеризует свою *IF-логику* как гиперклассическую логику — общую теорию квантификации и пропозициональных связок, являющуюся естественным расширением элементарной логики. Необходимость такого расширения обусловлена в первую очередь тем, что элементарная логика не способна выразить все виды взаимозависимости операторов, ограничивая себя в средствах такого выражения областями действия операторов, транзитивными и асимметричными по способу своего задания с помощью скобок. Одной из первых попыток преодоления этой ограниченности как раз и была разработанная Хенкиным теория ветвящейся квантификации, предполагающая отказ от линейности формул. *IF-логика* сохраняет линейный порядок в формулах, однако предлагает более либеральный подход к использованию скобок. Различие двух функций понятия действия оператора — функции задания приоритета интерпретации и функции связывания переменных — позволяет, как показывает Хинтикка, разрешить некоторые традиционные трудности в логическом анализе языка, например, известную еще в средневековой логике и реанимированную тем же Гичем проблему интерпретации анафорической номинации в так называемых «ослиных» *donkey*-предложениях. Проблема состоит в том, что предложение

$$(12) \text{Если Питер имеет осла, он бьет его.} \\ \text{If Peter owns a donkey, he beats it.}$$

естественно интерпретировать формулой

$$(13) (\forall x) ((D(x) \& O(x)) \supset B(x)),$$

где $D(x)$ — x — осел, $O(x)$ — Питер владеет x , $B(x)$ — Питер бьет x .

Тем самым неопределенный артикль в *donkey*-предложении, соответствующий квантору существования, представляется в интерпретирующей формуле универсальным квантором. Коллизия «поверхностной» экзи-

стенциальной и «глубинной» универсальной квантификации побуждает исследователей искать решение проблемы «ослиных» предложений за пределами стандартной теории квантификации. Так, по мнению Э. Баха, «ослиное» предложение вообще не подразумевает ни универсальную, ни экзистенциальную квантификацию «по ослам», но последовательную проверку всех пар «осел — владелец» [Бах, 2010, с. 179]. Хинтикка видит решение проблемы «ослиных» предложений в различении областей приоритета и связывания. «Все, что надо сделать, — пишет он, — это допустить, что область приоритета *a donkey* охватывает только антecedент *donkey*-предложения, в то время как область связывания включает и его консеквент» [Hintikka, 1997, р. 26]. В таком случае предложение (12) представляется формулой

$$(14) (\forall x) ([\sim(Dx \& Ox)] \vee Bx),$$

где квадратные скобки соответствуют области приоритета, а круглые — связывания. Ограничиться одним видом скобок позволяют слэш-операторы *IF*-логики, выполняющие, по существу, функцию дополнительных скобок.

Естественно попытаться использовать это преимущество *IF*-логики для решения проблемы интенционального тождества, например, представив *Хоб-Ноб-предложение* следующей формулой языка *IF*-логики:

$$(15) T_x \exists x ((x — ведьма \& x отравила кобылу Боба) \& (B_h / T_x \exists x) (x — ведьма \& x убила свинью Коба)),$$

где слэш перед T_x выводит оператор веры Ноба как из области действия оператора мнения Хоба, так и из области действия экзистенциального квантора, исправляя недостатки интерпретации (6).

Тождество объектов двух пропозициональных установок *de dicto* обеспечивается тем, что все переменные в формуле (15) связаны одним экзистенциальным квантором, который, однако, не вынуждает нас вводить экзистенциальное допущение о реальном существовании ведьм, поскольку сам входит в область действия оператора мнения Хоба. Вместе с тем факт такого вхождения обуславливает то обстоятельство, что индивид, которому установками Хоба и Ноба приписываются свойства быть ведьмой и убивать домашних животных, выбирается из доксических альтернатив Хоба. Представленная интерпретация соответствует, таким образом, следующему сценарию: Хоб полагает, что кобыла Боба отравлена некоей ведьмой, о чем сообщает Нобу, который, в свою очередь, подозревает эту же ведьму в

убийстве свиньи Коба. Иначе говоря, обратным переводом формулы (15) на русский язык будет

(16) *Хоб думает, что (некая) ведьма отравила кобылу Боба, а Ноб верит, что она, т.е. та, про которую Хоб думает, что она — ведьма, отравившая кобылу Боба, действительно является ведьмой и убила также свинью Коба.*

Такой сценарий вполне реалистичен. Естественно для Ноба заподозрить в убийстве свиньи Коба ту же ведьму, которая, по мнению заслуживающего его доверия Хоба, уже отравила кобылу Боба. Однако эта интерпретация предполагает асимметрию установок Хоба и Ноба, не учитывая «эффект независимых установок» (*disjointness effect*), отмеченный В. Эдельбергом (см.: [Edelberg, 1986]). Действительно, возможен иной сценарий развития событий. Допустим, корреспондент местной газеты, сообщая об участившихся случаях неожиданной гибели животных, высказывает (возможно, в шутку) предположение о том, что это дело рук некоей ведьмы. Хоб и Ноб — читатели этой газеты, которые верят в существование ведьм. Прочитав статью, Хоб пришел к мнению, что именно эта ведьма — причина загадочной смерти кобылы Боба, а Ноб поверил, что эта же самая ведьма повинна в гибели свиньи Коба. При этом Хоб ничего не знает ни о Нобе, ни о свинье Коба, а Ноб — ни о Хобе, ни о кобыле Боба. Технические возможности *IF*-логики позволяют, однако, учесть и этот сценарий «независимых установок». Соответствующая интерпретация *Хоб-Ноб-предложения* может быть представлена формулой

$$(17) T_x \exists x ((x — ведьма \& x отравила кобылу Боба) \& (B_h / T_x \exists x) (y — ведьма \& y убила свинью Коба) \& (x = y)),$$

которая эквивалентна формуле (18) с ветвящимся квантором Хенкина

$$(18) T_x \exists x \\ \rangle ((x — ведьма \& x отравила кобылу Боба) \& (y — ведьма \& y убила свинью Коба) \& (x = y)) \text{ (см.: [Pietarinen, 2001, р. 175])}^{163}. \\ B_h \exists y$$

¹⁶³ Формальная репрезентация *Хоб-Ноб-предложения* с использованием слэш-оператора была предложена А. Питариненом в [Pietarinen, 2001]. Вместе с тем, как отмечает сам Питаринен, эта репрезентация — лишь альтернативная форма записи соответствующей формулы с ветвящимся квантором Хенкина. Впервые репрезентация *Хоб-Ноб-предложения* с помощью квантора Хенкина была предложена в моей

Второпорядковая (теоретико-игровая) интерпретация формул (17)–(18) представляется формулой

$$(19) \exists f \exists g \forall v \forall w ((R_{T_x} av \& R_{B_H} aw) \supset ((f(v) — ведьма в v) \& (f(v) отравила кобылу Боба в v) \& (g(w) — ведьма в w) \& (g(w) убила свинью Коба в w) \& f(v) = g(w)),$$

где R_{T_x} — отношение доксической достижимости для Хоба, R_{B_H} — отношение эпистемической достижимости для Ноба, a — актуальный мир, функции f и g фиксируют зависимость выбора индивида от выбора возможного мира (доксической альтернативы для Хоба или эпистемической альтернативы для Ноба).

Disjointness effect выражен той особенностью формул (17) и (18), что анафорическое выражение и его антецедент связаны различными кванторами и, таким образом, выбор подозреваемой Нобом в убийстве свиньи Коба никак не зависит от выбора обвиняемой Хобом в отравлении кобылы Боба, хотя в итоге — с внешней точки зрения интерпретатора — этот выбор оказывается выбором *того же самого индивида*. Отождествление индивидов, выбираемых из миров полагания Хоба и веры Ноба, осуществляется в «мире актуального опыта», что не вынуждает нас, однако, к признанию реального существования ведьм. Отождествление индивидов в актуальном мире не обязательно влечет их реальное существование: хотя интерпретация индивидных термов может варьироваться от одного возможного мира к другому, задается она на всей индивидной области, а следовательно, значением индивидного терма в некотором возможном мире может оказаться индивид, не существующий в этом мире. Квантификация по сколемовским функциям f и g , фиксирующим зависимость выбора индивидов от выбора возможных миров, не вводит экзистенциальных допущений об актуальном существовании этих индивидов, однако предполагает наличие у интерпретатора некоей «второпорядковой» эмпатической способности отождествления этих индивидов. «Те же самые» индивиды не вводятся в модель как «жесткие десигнаты», но представляют собой семантические конструкты, апеллирующие к эмпатическим возможностям интерпретатора.

Таким образом, *IF*-логика, возникающая из потребности логиков в выражении сложных взаимозависимостей операторов, позволяет решить проблему формальной репрезентации предложений с интенциональным

тождеством, выразив на синтаксическом уровне переплетение «внутренних интенций» квантификации и «внешних интенций» пропозициональных установок, отмечаемое феноменологами. На семантическом уровне феноменологической неполноте индивидных характеризаций соответствует неполнота информации в семантических играх для интенциональной *IF*-логики с равенством.

Взаимная эвристическая ценность феноменологических и логико-семантических подходов к проблеме интенционального тождества может служить, на мой взгляд, подтверждением жизнеспособности аналитической феноменологии, возникшей на перекрестке путей континентальной и аналитической философских традиций. Вообще говоря, возможность диалога этих традиций требует специального обоснования, ведь если для континентальной традиции в целом характерны субъективизм, герменевтичность, историцизм, ценностная нагруженность и ориентация на «науки о духе», то аналитической философии приписываются, как правило, объективизм, аисторичность, элиминация оценочных суждений, ориентация на точные логико-математические методы. Практически общим местом стала характеристика «аналитически-континентальной» дихотомии как оппозиции научного и литературного стилей. «Первый из них, — пишет, например, Р. Рорти, — требует четкого обозначения предпосылок, чтобы о них не приходилось строить догадки, и требует также, чтобы термины вводились определениями, а не ссылкой. Второй стиль может включать аргументацию, но это несущественно; здесь важно рассказать новую историю, предложить новую языковую игру в надежде на новую форму интеллектуальной жизни» [Рорти, 1998, с. 443]. По его мнению, «мы не должны волноваться о “наведении мостов” между аналитической и континентальной философией», поскольку «аналитически-континентальный раскол носит постоянный и безвредный характер». Примечательно, однако, что при этом Рорти характеризует Гуссерля как «краткую и бесполезную заминку» в «образцовом континентальной последовательности» Маркс — Ницше — Хайдеггер — Фуко (см.: [Там же, с. 449–450]. Действительно, феноменология с ее идеалом строгой науки, отказом от спекулятивных методов, антипсихологизмом, критической догматической и эмпиристской онтологий с трудом вписывается в «литературный» стиль континентальной традиции. Со своей стороны, аналитическая философия, переболевшая необихевиоризмом, натурализмом и редукционистским элиминативизмом, идет навстречу феноменологии, демонстрируя растущий интерес к интенциональности сознания. В частности, аналитики и феноменологи достигли консенсуса в признании неустранимости «перспективы первого лица» в неэлими-

неопубликованной кандидатской диссертации [Драгалина-Черная, 1984], см. также: [Dragalina-Chernaya, Kurtonina, 1987].

нативистских и ненатуралистических концепциях сознания. Как отмечает, например, Т. Нагель, ментальные состояния «субъективны — не в том смысле, что они — субъекты чисто “перво-личного” словаря, но в том смысле, что их можно точно описать только с помощью понятий, в которых не связанные с наблюдением характеристики “от первого лица” логически неотделимы от характеристик, высказываемых о наблюдаемом “третьем лице”. Такие состояния суть модификации точки зрения индивидуального субъекта» [Нагель, 2001, с. 104–105].

Вместе с тем нельзя, безусловно, недооценивать различия в подходах к «перспективе первого лица» аналитической традиции, пережившей «лингвистический поворот», и феноменологии, включающей в сферу феноменологической дескрипции неязыковые ментальные акты. Обращенность к значению, объединяющая обе традиции, в аналитической философии ограничивается рефлексией над значениями языковых выражений, не выходящей на фундирующий их уровень доконцептуального конституирования. Суть аналитической трактовки «перспективы первого лица» выражает Л. Бейкер, предлагающая следующую дефиницию: «Некто имеет перспективу первого лица, если и только если он обладает способностью сознавать себя как себя, которая проявляется в лингвистической способности приписывать (равно, как и осуществлять) референцию первого лица» [Baker, 2000, р. 68]. Действительно, интерес аналитиков «старшего поколения» к «перспективе первого лица» проявлялся преимущественно в попытках логико-семантического анализа «специфической референции первого лица» (установки *de se* Д. Льюиса, «прямая атрибуция» Р. Чизома, «отнесенность к первому лицу» Г.-Н. Кастанеды). Казалось бы, с такой «лингвистической ограниченностью» аналитического подхода к феноменологическим проблемам солидарен и сам Гуссерль, который во втором томе «Логических исследований» дает название аналитической феноменологии разделу феноменологии, имеющему своим предметом «представления, запечатленные в выражении». Однако душа феноменологического проекта — его метод («Феноменология доступна только феноменологическому методу» [Мерло-Понти, 1999, с. 6]). А феноменологическая редукция ведет к иным результатам, нежели рефлексия философов-аналитиков. «Феноменологическая редукция, — как отмечает Р. Соколовски, — превращает объекты в ноэмы. Пропозициональная рефлексия, напротив, превращает объекты в смыслы» [Sokolowski, 2000, р. 192]. Методологическая ориентация на пропозициональную рефлексию чревата «высокоуровневым репрезентативизмом», который характеризуется Д. Захави следующим образом: «Теории высокоуровневой репрезентации утверждают, что для того чтобы проявиться феноменально (а

не просто оставаться несознаваемым), определенное ментальное состояние должно дождаться своей объективации следующей за ним мыслью или восприятием второго порядка» [Zahavi, 2002, р. 15–16]. Ментальное состояние превращается, таким образом, в реляционное свойство — для того чтобы осознаваться, оно должно сопровождаться соответствующей высокоуровневой репрезентацией, т.е. мыслью второго порядка об этом состоянии или его второпорядковым восприятием. Согласно репрезентативистской теории сознания Дж. Фодора, например, любое ментальное состояние вообще есть отношение к ментальной репрезентации (см.: [Fodor, 1980]). Однако уже Гуссерль оценивал такой подход как «принципиальное заблуждение». «В актах непосредственного созерцания, — писал он, — мы созерцаем некую “самость”; на постигнутости таковой вовсе не начинают выстраиваться постигнутости высшей ступени, так что, следовательно, не создается ничего такого, для чего созерцаемое могло выступать в функции “знака” или “образа”» [Гуссерль, 1999, с. 94]. Поэтому, как отмечает Захави, феноменологическая «данность опыта от первого лица должна рассматриваться не как результат второпорядковой репрезентации, рефлексии, внутреннего контроля, или самоанализа, а скорее как *внутреннее качество* опыта... Дело в том, что это *рефлексивное самосознание* (или “второпорядковая репрезентация”) производно и всегда предполагает существование предшествующего нетематического, необъективируемого, *пререфлексивного самосознания* как условия своей возможности. Хотя теории высокоуровневой репрезентации могут пролить свет на эксплицитный опыт самосознания, они не могут объяснить происхождение самосознания как такового, не могут исследовать «перспективу первого лица» как таковую... Если мы хотим избежать бесконечного регресса, это примитивное пререфлексивное самосознание не может выводиться из вторичного акта рефлексии, но должно быть конститутивным аспектом самого опыта» [Zahavi, 2002, р. 16–17].

Не является ли аналитическая интерпретация интенциональности актов сознания как интенсиональности выражавших их пропозициональных установок методологическими двойником теории высокоуровневой репрезентации? Вообще говоря, нет, поскольку репрезентативизм допускает неинтенсиональную трактовку интенциональных состояний. Например, Дж. Сёрль, возражающий против рассмотрения интенциональности как интенсиональности, полагает, что интенсиональными являются не сами интенциональные состояния, а утверждения о них. «Интенсиональность утверждений относительно интенциональных состояний вытекает, — подчеркивает он, — из того, что такие утверждения являются представлениями репрезентаций» [Сёрль, 1987, с. 123].

Например, когда я утверждаю, что Джон верит в то, что король Артур поразил сэра Ланселота, это утверждение будет интенциональным, поскольку репрезентирует репрезентацию, т.е. веру Джона. Отсюда не следует, однако, что вера Джона интенциональна: «его вера экстенциональна, моя вера относительно его веры будет интенциональной» [Сёрль, 1987, с. 123]. Таким образом, интенциональность является, по Сёрлю, характеристикой репрезентаций высшего порядка («репрезентаций репрезентаций», утверждений об интенциональных состояниях), в то время как сами интенциональные состояния (скажем, вера Джона) оказываются экстенциональными репрезентациями более низкого уровня.

На мой взгляд, тезис аналитической феноменологии об интенциональности как интенциональности не является апологией репрезентативизма, скорее он свидетельствует об эволюции методологии аналитической философии в направлении интенционального анализа, который, по замечанию Гуссерля, «представляет собой нечто совершенно иное, нежели анализ в обычном и естественном смысле слова» [Гуссерль, 1998, с. 116]. «Интенциональный анализ, — как пишет Гуссерль, — руководствуется знанием того фундаментального обстоятельства, что каждое *cogito*, как сознание, хотя и есть в самом широком смысле полагание того, что полагается в нем, однако это полагаемое всегда полагается в большем объеме и всякий раз больше того, что в тот или иной момент дано как полагаемое *эксплицитно*» [Там же, с. 117]. Это *избыточное полагание* раскрывается через категорию интенциональности как неизбежность вовлечения в интенциональный анализ потенциальностей, имплицитно содержащихся в актуальном полагании. В «перспективе первого лица» динамика интенционального анализа — это движение изнутри наружу, исключающее объективацию сознания как некоей сокровищницы интенциональных артефактов, виртуальной картинной галереи внутренних репрезентаций. «Можно сказать, — утверждает Гуссерль, — что предмет — это полюс тождественности, который постоянно осознается вместе с полагаемым и подлежащим осуществлению смыслом; для каждого момента сознания он знаменует собой некую сообразующуюся с его смыслом ноэтическую интенциональность, которая может быть исследована и истолкована» [Там же, с. 116]. Возможно, методы современной интенциональной логики — слишком грубый инструмент для такого исследования, однако ее переход от «априорного» задания индивидной области в классической теории моделей к разработке семантических методов конструирования «интенционально тождественных» индивидов представляется обнадеживающим сигналом для аналитической феноменологии.

«Что такое индивид? Очень хороший вопрос. Настолько хороший, что мы даже не будем пытаться ответить на него», — меланхолично замечал Д. Скотт в знаменитой статье 1970 г. «Советы по модальной логике» (см.: [Скотт, 1981, с. 282]). Аналитическая феноменология — это надежда на то, что столь хороший вопрос не останется без ответа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бах Э. Неформальные лекции по формальной семантике. М.: Либроком, 2010.
- Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 1998.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию. М.: ДИК, 1999.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. М.: ДИК, 2001.
- Драгалина-Черная Е.Г. Теоретико-игровая семантика и анализ интенциональных контекстов естественного языка: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1984.
- Ингарден Р. Философия Эдмунда Гуссерля (энциклопедический очерк) // Феноменология искусства. М.: ИФ РАН, 1996. С. 197–212.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999.
- Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 101–112.
- Рорти Р. Американская философия сегодня // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 433–453.
- Сёрль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.
- Скотт Д. Советы по модальной логике // Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981. С. 280–317.
- Baker L. R. Persons and Bodies. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Dragalina-Chernaya E., Kurtonina N. What Shall We Gain by Using Activity Approach in Logical Semantics? // Abstracts of the 8th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. Moscow, 1987. P. 292–295.
- Edelberg W. A New Puzzle about Intentional Identity // Journal of Philosophical Logic. 1986. No. 15. P. 1–25.
- Fodor J.A. Methodological Solipsism Considered As a Research Strategy in Cognitive Psychology // The Behavioral and Brain Sciences. 1980. No. 3. P. 63–73.
- Geach P. Intentional Identity // Journal of Philosophy. 1967. Vol. 74. No. 20. P. 627–632.

- Hintikka J., Hintikka M.* The Logic of Epistemology and the Epistemology of Logic. Dordrecht: Kluwer Academic, 1989.
- Hintikka J.* The Principle of Mathematics Revised. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Hintikka J., Sandu G.* A Revolution in Logic? // Nordic Journal of Philosophical Logic. 1996. Vol. 1. No. 2. P. 169–183.
- Hintikka J.* No Scope for Scope // Linguistics and Philosophy. 1997. Vol. 20. P. 515–544.
- Husserl E.* Experience and Judgment. Evanston: Northwestern University Press, 1973.
- King J.C.* Intentional Identity Generalized // Journal of Philosophical Logic. 1993. No. 22. P. 61–93.
- Mohanthy J.* The Possibility of Transcendental Philosophy. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1985.
- Pietarinen A.* Intentional Identity Revisited // Nordic Journal of Philosophical Logic. 2001. Vol. 6. No. 2. P. 147–188.
- Rooy R. van.* Attitudes and Changing Contexts. Netherlands: Springer, 2006.
- Saarinen E.* Intentional Identity Interpreted: A Case Study of the Relations among Quantifiers, Pronouns, and Verbs of Propositional Attitude // Game-Theoretical Semantics. Dordrecht: D. Reidel, 1978. P. 245–327.
- Smith D.W., McIntyre R.* Husserl and Intentionality. Dordrecht: D. Reidel, 1984.
- Smith D.W.* How to Husserl a Quine — and to Heidegger, too // Synthese. 1994. Vol. 98. No. 1. P. 153–173.
- Sokolowski R.* Introduction to Phenomenology. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Wilson G.* Instantial Terms, Anaphora and Arbitrary Objects // Philosophical Studies. 1991. No. 61. P. 239–265.
- Zahavi D.* First-person Thoughts and Embodied Self-awareness: Some Reflections on the Relation between Recent Analytical Philosophy and Phenomenology // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2002. No. 1. P. 7–26.